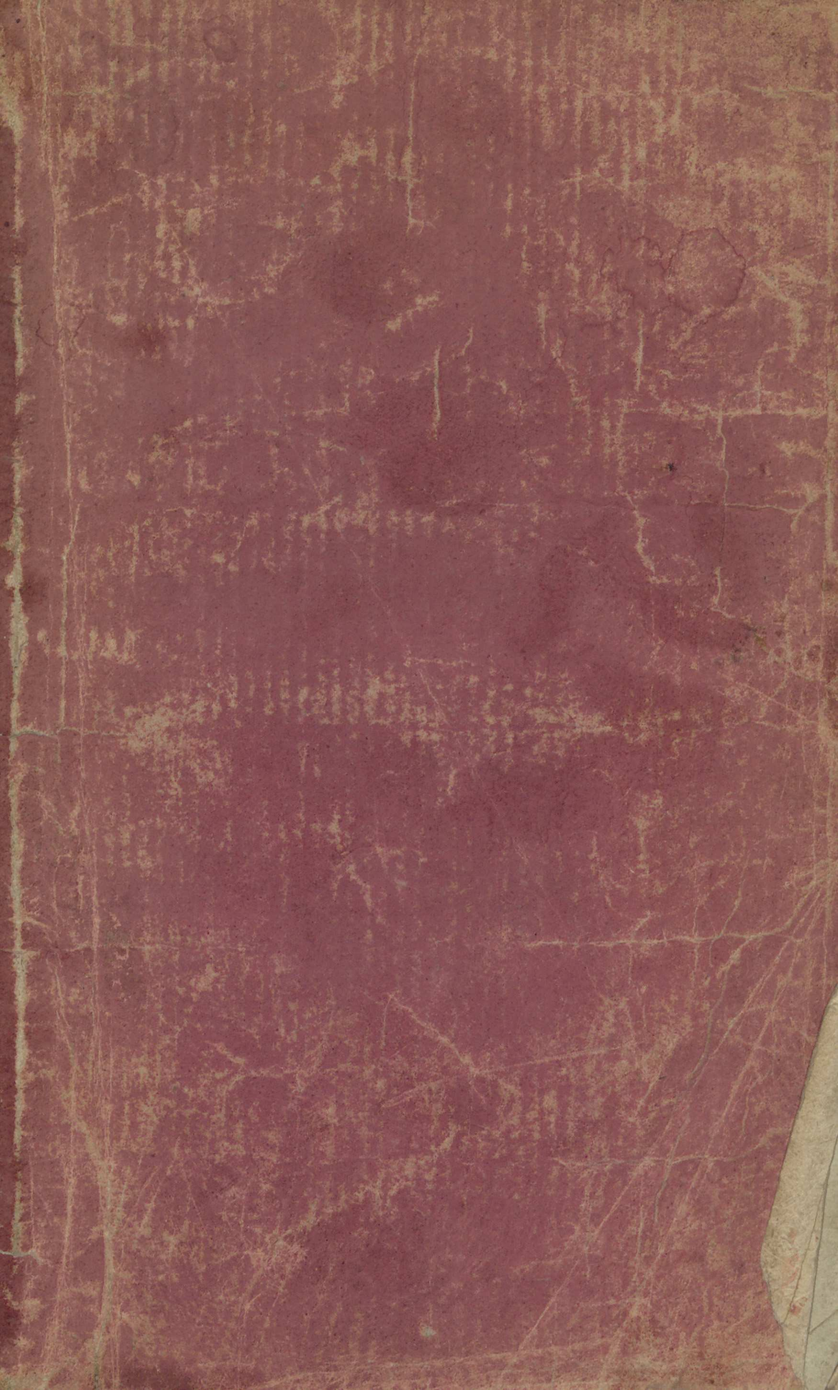

АЦЕМЪ,

ИЛИ

МЕЧТАЮЩІЙ

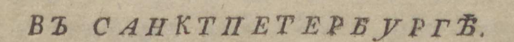
О БЛАГОПОЛУЧІИ СВОЕМЪ

ЧЕЛОВѢКЪ.

Переведено съ Нѣмецкаго.

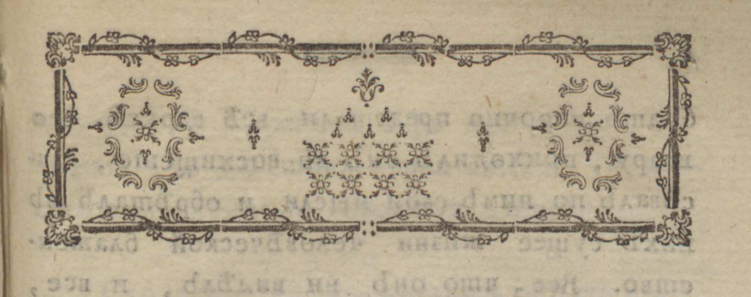

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

Печатано иждивенїемъ книгопродавца К. В Миллера, 1775 года.

Ацемъ, благополучный *Ацемъ*, сдѣлавъ самъ себя счастливымъ чрезъ преодолѣніе всякихъ человѣческое сердце обуревающихъ страстей, вышелъ въ лѣтнюю пору на утренней зарѣ изъ уединеннаго своего жилища, гдѣ немалое уже время наслаждался онъ вождѣлѣннымъ спокойствіемъ духа, и присѣлъ на стоящемъ супротивъ шалаша его приятномъ бугрѣ, съ котораго могъ видѣть по одну сторону сіяющій *Каиръ* во всемъ его великолѣпіи, а по другую гораздо славнѣйшія еще дѣла природы: разпещренныя цвѣтами долины, осѣняющія ихъ лѣса, и тихо струи свои разливающій *Нилъ*. При всякомъ взглядѣ на красоты природы, которыя какъ

будто нарочно предстали всѣ вдругъ его взору, приходилъ онъ въ восхищенiе, разсѣвалъ по нимъ свои мысли, и обрѣталъ въ нихъ сущее жизни человѣческой блаженство. Все, что онъ ни видѣлъ, и все, что ни чувствовалъ обонянiемъ, побуждало его къ радости. Будучи въ восторгѣ, смотрѣлъ онъ, какъ дневное свѣтило во всемъ своемъ великолѣпiи съ позлащенныхъ горъ спускалось въ долины, и возбуждало вновь еще дремлющаго человѣка къ совершенiю своихъ дѣлъ или, лучше сказать, шалостей. Птицы какъ будто въ посмѣянiе строптивому *Ацемову* сердцу воспѣвали благодарную пѣснь солнцу и его Создателю при первомъ на землю низлiянномъ имъ лучѣ: и всякое умильное ихъ пѣнiе проницало въ сердце слушающаго *Ацема.* Цвѣты питались между темъ низпадшею на нихъ росою, и воздымали вершины свои, дабы разпространить благовонiе свое и до сего благополучiю своему радующагося смертнаго *Ацемъ*, сей бодрый пастухъ, будучи не менѣе спокоенъ, какъ и стадо его, выгналъ оное на изобильные травою луга; а самъ оперщись на посохъ свой, раз-

смат-

смотривалъ утренней зари благолѣпія, которыхъ не удостоиваются видѣть и чувствовать лѣнивые городскіе жители.

Сколь прелестны казались всѣ сіи предмѣты чувствительному *Ацему*! „Скажи „по истиннѣ, *Ацемъ*! говорилъ онъ самъ „себѣ, есть ли кто изъ смертныхъ тебя „благополучнѣе? Уже тому четвертый „годъ, какъ ты въ приятной сей пусты„нѣ, удаленъ будучи ото всякаго съ людь„ми обращенія, и отъ соединенныхъ съ „онымъ дурачествъ, позналъ и удостовѣ„рился, что человѣкъ можетъ быть бла„гополученъ и безъ посторонняго вспомо„женія. Въ юношескомъ еще возрастѣ укрѣ„пился ты мудростію столько, что уда„лился изъ бѣдственнаго *Каира*, гдѣ тер„зающія человѣка страсти кроются въ „позлащенныхъ чертогахъ, и гдѣ недо„статки посреди изобилія сокрушаютъ „смертнаго. Мудрость завела тебя въ сію „пустыню, дабы ты позналъ здѣсь, что „человѣкъ, кромѣ самаго себя, ни въ чемъ „не имѣетъ надобности къ устроенію сво„его благополулія. Ты, не покорясь еще

„ни единой изъ тѣхъ страстей, кои воз-
„лагаютъ на сердце человѣческое оковы,
„можешь здѣсь смѣло ими повелѣвать. А
„какъ ты доволенъ всемъ темъ, что имѣ-
„ешь, то и самая твоя бѣдность кажется
„тебѣ изобилїемъ. Пусть безумные тебя
„презираютъ и порицаютъ! Они не до-
„стойны чувствовать того, что ты здѣсь
„ощущаешь. Что день, то усугубляется
„теперь твое благополучїе; а у нихъ, что
„часъ, то увеличиваются ихъ бѣдствїя.
„Въ самое то время, когда сокрушающееся
„ихъ сердце обуревается перемѣнными ихъ
„страстьми, какъ то, любовїю, честїю, за-
„вистїю, роптанїемъ на свою участь, и
„многими другими: (ибо кто можетъ изчи-
„слить всѣ мученїя смертныхъ), пребыва-
„ешь ты, взирая безпристрастно на всѣ
„непостоянныя увеселенїя человѣка, кото-
„рыя его только утомляютъ, а никогда
„совершенно не довольствуютъ, всегда въ
„одинакомъ состоянїи, всегда въ вожделѣн-
„номъ спокойствїи; и какъ ты не полага-
„ешь при томъ ни какой разности между
„благополучїемъ и бѣдствїемъ, то первое не

„возбуж-

„возбуждаетъ въ тебѣ гордости, а дру-
„гое не заставляетъ тебя уничижаться.

„Посмотри на стоящіе отъ тебя въ „дали и позлащенными своими истуканами „блистающіе чертоги! Тамъ опочиваетъ „несчастный Паша *Ибрагимъ* на драгоцѣн-„ныхъ коврахъ гораздо безпокойнѣе, не-„жели ты спалъ сію ночь на свѣжей тра-„вѣ. Не прошло еще, можетъ быть, и часа „послѣ того, какъ онъ, не будучи уже обу-„реваемъ страхами ночи, также ненадежно-„стію чина, суетными замыслами о полу-„ченіи еще вышшей чести, и терзаніями „зависти и злобы, уснулъ. Признайся, „*Ацемъ*! не завидуешь ли ты ему? Ты бы „достоинъ былъ заступить его мѣсто, если „бы только не чуждалось сердце твое сей „слабости.

„Вонъ та въ самой худшей части го-„рода стоящая хижина, въ которой горитъ „еще и по сіе время свѣтильникъ, напоми-„наетъ тебѣ о горестной судьбинѣ просла-„вляемаго по всей Африкѣ *Али-Гассема*. Онъ, „котораго Египетъ обожаетъ, но при томъ

 „голодомъ

„голодомъ моритъ, препроводилъ опять су-
„етно цѣлую ночь, гоняясь за такою тѣ-
„нью, отъ которой, хотя бы ее и по-
„стигъ, вѣрно бы не имѣлъ ни какого удо-
„вольствія. А ты, благополучный *Ацемъ*!
„приобрѣвшій себѣ ту же славу, которую
„онъ со тщетнымъ усердіемъ старается
„снискать, въ щастіи, быть всему свѣту
„неизвѣстнымъ; ты, говорю я, не попу-
„скалъ никогда вихрямъ мечтательной че-
„сти затьмѣвать прахомъ проницательные
„твои глаза. Умри счастливецъ! умри безъ
„славы той, чтобъ быть какъ современ-
„ными тебѣ людьми, тамъ и потомками
„прославляему! но умирай въ такомъ со-
„стояніи, чтобъ люди не могли тебя ни
„забыть ни обругать.

„Взгляни на предстоящую и густыми
„вѣтвями осѣняемую бесѣдку! Не тутъ ли,
„*Ацемъ*! одержало сердце твое наиславнѣй-
„шую побѣду и надъ самою любовною стра-
„стію? Не тамъ ли прекрасная *Селима* вотще
„отрицалась отъ пышности, отъ знатно-
„сти породы, и отовсѣхъ ей любовно ра-
„болѣпствующихъ, дабы только покорить

„твое

„твое сердце, какъ такое, которое одно „токмо возмогло противуборствовать ея „красотамъ и любовной страсти. Торже„ствуй, *Ацемъ*! и надѣйся на себя. При „семъ то случаѣ одолѣлъ ты наистрашнѣй„шаго своего врага, и побѣдилъ самаго себя. „Въ объятіяхъ *Селимы* конечно бы ты на„слаждался теперь всемъ темъ, то люди „называютъ знатностію, и что они нари„цаютъ нѣжностію, если бы самъ отъ то„го не удалился. Но тогда бы тебѣ не льзя „было чувствовать того истиннаго удоволь„ствія, которое мудрый человѣкъ заим„ствуетъ отъ себя только и отъ естества. „Благополучіе твое ни чемъ бы тогда не „разнилось отъ мечтательнаго счастія про„чихъ людей; и слѣдовательно ты жилъ бы „столь же бѣдственно, какъ и они. Нѣтъ! „Приманчивости сей цвѣтущей долины не„сравненно прелестнѣе и милѣе тебѣ, неже„ли красоты *Селимы*. Здѣсь, гдѣ природа „угождая тебѣ, надѣляетъ тебя всѣми сво„ими увеселеніями; здѣсь, гдѣ сердце твое „ни чего себѣ мнимаго не желаетъ; здѣсь, „гдѣ обитаетъ вольность, истинная слава, „да и самая любовь: здѣсь то пусть пре.

„вратится тѣло твое въ прахъ подъ слѣ-
„дующею надгробною надписью: *на семъ*
„*мѣстѣ лежитъ Ацемъ, тотъ самой человѣкъ,*
„*которой умѣлъ покорять волѣ своей сердце.*
„Пускай слова сїя покажутъ заблуждшимся
„странникамъ единственный путь къ благо-
„получїю!

Надмѣнный таковыми разсужденїями *Ацемъ* сошелъ съ усланнаго цвѣтами своего бугра, какъ будто съ царственнаго престола. По томъ сдѣлалъ бѣгло еще и въ другой разъ смѣту величїю своему и блаженству, и взирая на свѣтъ презрительнымъ окомъ, торжествовалъ надъ всѣми суетами сего мїра.

Идучи же обратно въ жилище свое, и вошедши въ тотъ лѣсокъ, которымъ должно было ему проходить къ оному, увидѣлъ тамъ борющуюся съ Арапомъ женщину. Новое сїе явленїе тотъ часъ возбудило *Ацемову* добродѣтель и смѣлость къ великодушному предпрїятїю. Женщина выбившись изъ силъ, свалилась съ ногъ въ самое то время, въ которое избавитель ея подо-

подоспѣлъ ей на помощь; и какъ дерзость трепещетъ всегда передъ истинною добродѣтелью и смѣлостїю, то наглый тотъ Арапъ, покинувъ свою добычу, скрылся въ лѣсокъ.

Ацемъ вздумалъ было лежащую въ обморокѣ красавицу привести въ чувство: но вдругъ подался отъ нее въ сторону. Лице его покрылось блѣдностїю; языкъ онѣмѣлъ; а сердце вострепетало. Уже хотѣлъ онъ неистово на нее кинуться: но пришедъ опять въ стыдъ, сталъ неподвижно на одномъ мѣстѣ. *Селима*! сказалъ онъ прерываемымъ вздохами голосомъ; и кромѣ сего не могъ промолвить ни одного слова. Но человѣколюбїе скоро разсѣяло смятенїе его мыслей, и укоряло его тѣмъ, что онъ сей красавицѣ, которая и дѣйствительно была *Селима*, не оказываетъ вспоможенїя. Онъ почерпнулъ тотъ часъ со свойственною любовникамъ торопливостїю чистой воды изъ протекающаго вблизи ручья; по томъ вспрыснулъ прекрасное ея лице; и какъ онъ чрезвычайно боялся, чтобъ она въ обморокѣ не скон-

чалась,

чалась, то ненарочно коснулся ея устъ. Однакожъ онъ во время еще ускользнулъ отъ грозящей ему опасности.

На ту самую пору открыла глаза свои *Селима*, и однимъ своимъ взоромъ привела опять *Ацеловы* мысли въ замѣшательство. „Какъ! говорила она поднявшись на ноги, „прерываемымъ вздохами голосамъ; *Ацемъ*, „сей свирѣпый человѣкъ, сдѣлался теперь „избавителемъ *Селимы*?„ И будучи еще въ великой слабости предалась въ объятія своему любезному. По томъ, будучи имъ поддерживаема, или лучше сказать носима, приближилась къ стоящей за лѣскомъ его хижинѣ. Она прошла весь путь въ молчаніи, предзнаменующемъ нѣчто особливое. *Селима* не спускала глазъ своихъ съ *Ацема*; а сей мудрецъ крѣпко устремилъ дикіе и мутные свои взоры въ землю. Слабая *Селима*, пришедъ въ *Ацемовъ* шалашъ, кинулась отъ изнеможенія на травяную своего любовника постелю, и уснула; а обуреваемый страстію мудрецъ успѣлъ между тѣмъ собрать душевныя свои силы.

Вышедъ

Вышедъ изъ шалаша своего, сѣлъ онъ безпокойно подъ стоящимъ въ близи онаго невеселымъ кипариснымъ деревомъ. Ненавистная торопливость возвѣщала уже ему грядущую судьбину. „ Скажи *Ацемъ*! говорилъ онъ самъ себѣ, какая тому причина, „что ты воздыхаешь, что сердце твое „противу прежняго бьется сильнѣе, что „на глазахъ твоихъ навертываются слезы, „сiи плоды несказанной чувствительности, „что вся кровь въ тебѣ кипитъ? Ужаснись „нещастный! тебя одолѣваетъ уже любовь: но укрѣпись, *Ацемъ*! высокоумными своими мыслями, и вспомни всѣ тѣ „побѣды, которыя ты посредствомъ оныхъ „уже одержалъ. Не ужель ты не постыдишся затьмить вѣчную славу оныхъ въ „одно мгновенiе ока? Чуждайся своей природы, и удались изъ сей неблагополучной „уже для тебя пустыни прежде, нежели „заразишся ты ядовитымъ ея воздухомъ! „Но не забывай *Ацемъ* и того, что ты человѣкъ. *Селима* безъ защиты твоей здѣсь „погибнемъ, и ты содѣлаешся чрезъ бѣгство твое ея убiйцею. И такъ исполняй „только долгъ человѣчества; а любви не

„покоряйся.

„покоряйся. Противуборствуй сей надъ сла-
„быми сердцами владычествующей страсти
„и при самой большой ея силѣ. Вить ты
„знаешь, что мудрствованіе искушеніемъ
„еще больше укрѣпляется. Въ шалашѣ
„твоемъ отдыхаетъ разслабленная обмо-
„ромъ дѣвица; такъ возможно ли тому
„статься, чтобъ она преодолѣла *Ацемову*
„мудрость?„

Печальное *Ацемово* лице тотъ часъ приняло на себя прежній веселый видъ, какъ скоро вспомнилъ онъ про себя, что онъ мудрецъ. Вздохи его пресѣклись; и то же самое безпристрастіе, съ которымъ взиралъ онъ по сіе время на суетной міръ, оказось опять въ его взорѣ. Не страшась ни чего, и укрѣпясь заблаговременно мудростію противу силы всѣхъ красотъ *Селимы*, возвратился онъ въ свой шалашъ. Глаза его встрѣтились при самомъ входѣ со взоромъ проснувшейся красавицы. Онъ могъ изъ онаго довольно примѣтить, что она, хотя въ прочемъ и оскорбленная его дикостію, любитъ еще его страстно. *Селима* кинула два только взора, и сдѣлала бѣднаго *Ацема* такимъ

кимъ же тоскливымъ и такимъ же сокрушающимся любовникомъ, каковъ онъ былъ и не за долго передъ симъ. Онъ придумывалъ, о чемъ бы вступить съ *Селимою* въ разговоръ; но мысли его отрицались отъ всякихъ разсужденій.

„Подойди поближе, варваръ! вскричала „она, и радуйся своей жестокости, которою ты цѣлые два года мучишь уже дочь „*Ибрагима* Ахъ! *Ацемъ*, почто ласкало „себя сердце мое тою надеждою, что и „твое сердце не меньше моего чувствительно? Не должно ли бы мнѣ мстить „тебѣ и за то безпристрастіе, съ которымъ ты уже и прежде отъ объятій „моихъ удалился? Но *Селима* все еще тебя любитъ; все еще нѣжное ея сердце „къ тебѣ обращается, презирая и самое „уничиженіе. Подъ присмотромъ строгаго „отца не оставалось ей цѣлые два года „ни чего другаго предпринимать, какъ „только безпрестанно воздыхать. Въ минувшую же ночь даровала ей неудовлетворенная любовь довольно хитрости и „силы, для отъисканія бѣдственной той

„пустыни,

„пустыни, въ которую гордость и упрям„ство тебя преселили. Тутъ *Селима* из„нуренная страхами ночи и почти прео„долѣнная безстыдствомъ напавшаго на нее „грабителя, избавилась однакожъ еще вы„шнимъ промысломъ отъ поношенія чрезъ „того самого неблагодарнаго человѣка, къ „которому давно уже пылаетъ напрасно „сердце ея любовію. Ахъ! *Ацемъ*, почто „спасъ ты меня? Не для того ли, чтобъ „умертвить меня своимъ безпристрасті„емъ? „

Слезы покатились послѣ сихъ словъ по прекрасной *Селиминой* груди, которую она въ разсѣяніи мыслей своихъ позабыла прикрыть отъ тайныхъ взоровъ *Ацема*. Мудрецъ почувствовалъ на себѣ всю силу сихъ слезъ; и уже почиталъ онъ и самъ уклоненіе свое отъ нѣжностей *Селимъ* непростительнымъ. Онъ началъ было мудрствовать о слабости своей любезной: но какъ скоро *Селима* на него взглянула, то всѣ мысли его опять разбились такъ, что онъ не могъ проговорить ни единаго слова. По томъ, будучи обнятъ ею, приклонил-

ся

ся къ ея груди, и поцѣловалъ ее при великомъ сотрясеніи, произшедшемъ конечно отъ страху, что правила мудрости приближаются уже къ своему паденію; поцѣловалъ онъ красавицу еще и въ другой разъ, но уже безъ сотрясенія. Знаки стыда распространились по всему его лицу: но онъ сокрылъ ихъ въ грудь *Селимы*, и пересталъ стыдиться. Напослѣдокъ произвела любовь совершенное свое мщеніе за все то презрѣніе, которымъ гордость *Ацемова* столь долго ее встрѣчала; и *Ацемъ* сталъ такой же человѣкъ, каковы и другіе люди. Онъ сокрушался, любилъ, и не меньше ихъ дѣлалъ дурачествъ.

Вcѣ желанія *Селимы* клонились къ тому только, чтобъ покорить себѣ *Ацемово* сердце. По полученіи въ томъ совершеннаго успѣха, показалась ей и пустыня его великолѣпнѣе *Каира*. Находясь при немъ, позабыла она все, кромѣ любви. *Ацемъ* напротивъ того удостовѣрился въ объятіяхъ ея о слабости своего мудрствованія; и почитая себя гораздо благополучнѣе прежняго, гулялъ въ провожаніи *Селимы* по изпещрен-

щренным цвѣтами долинам, и обрѣтал там совсем новыя себѣ удовольствія, которых бы он один никогда не нашел; да и самый шум быстро текущаго ручья казался ему тогда гораздо приятнѣе, когда любезная его *Селима* отдыхала с ним вмѣстѣ на свѣжей травкѣ. „Ты и подлинно, *Ацем*! ошибался в мнѣніи своем, „говорил он самому себѣ. Сущее благополучіе человѣка заключается не в том, „чтоб он совершенно угнѣтал свои страсти, да в том, чтоб он благоразумно ими пользовался. Для чего одарены „сердца наши склонностію к любви, к „дружбѣ, к чести, да и к самому приобрѣтенію имѣнія? Для того конечно, „чтоб мы были благополучны; ежели „только благотворительна та Власть, „которая на свѣт нас произвела: а сему инако и быть не льзя, по тому, что „какая бы злая Власть могла нас сотворить? Но один только разумной человѣк „может наслаждаться тем, что называется в свѣтѣ благополучіем. Он пользуется всем таковым без гордости, а „лишается без роптанія. И так, *Ацем*!

„люби

„люби *Селиму*, будь благополученъ чрезъ
„ея любовь: однако отнюдь не почитай
„ущербомъ своего блаженства и такого
„случая, когда судьба разлучитъ тебя съ
„нею."

На такомъ то надежномъ основанiи утвердилъ мудрый *Ацемъ* свое блаженство. Онъ положилъ на томъ, чтобъ впредь искать равно съ прочими людьми благополучiя во всѣхъ тѣхъ забавахъ, которыя ему въ жизни ни встрѣтятся, и ласкалъ себя, что обрящетъ ихъ въ собственномъ своемъ сердцѣ еще и въ то время, когда принужденъ будетъ наружно лишиться всѣхъ таковыхъ забавъ. Великiй сей мудрецъ, убѣжденъ будучи ласками *Селимы*, согласился напослѣдокъ оставить и пустыню свою, гдѣ меньше высокоумствующая его любезная находила и меньше себѣ забавъ, нежели онъ. Слава, которую *Ацемъ* безпристрастiемъ своимъ ко всѣмъ житейскимъ выгодамъ и удаленiемъ отъ оныхъ приобрѣлъ себѣ въ *Каирѣ*, была ему столь мила, что лишиться оной крайне ему не хотѣлось. Но *Селима* того желала;

а *Ацемъ*, хотя и съ прискорбїемъ, согласился на ея волю.

Они предприяли путь изъ пустыни своей въ сосѣдственную землю, гдѣ отъ происковъ отца *Селимина* могли жить безопасно. *Ацемъ* препровождалъ тамъ дни свои какъ мудрецъ и *Селиминъ* любовникъ; а счастїе старалось между тѣмъ всѣми мѣрами истощить на него въ семъ новомъ убѣжищѣ всѣ свои сокровища. Страна, въ которую чета сїя преселилась, преимуществовала предъ прочими государствами тѣмъ, что одни только заслуги опредѣляли тамъ людей къ мѣстамъ. А какъ *Ацемъ* былъ человѣкъ не глупой и при томъ добродѣтельной; то онъ, хотя былъ и чужестранецъ, скоро опредѣлился къ знатной должности. Однакожъ великодушїе его пребывало еще и по сїе время въ такой великой силѣ, что его и сей даръ счастїя не чрезвычайно трогалъ. Напротивъ того дружбу *Агиба*, природнаго *Турка*, но весьма прiятныхъ качествъ человѣка, который случайно съ нимъ познакомился, предпочиталъ онъ всѣмъ прочимъ благопрiятствамъ сча-

стїя:

стія: ибо по выходѣ своемъ изъ пустыни ничего онъ себѣ столько не желалъ, какъ имѣть еще искренняго друга. Всякъ можетъ теперь разсудить, въ какомъ благополучномъ состояніи находился уже *Ацемъ*. Онъ имѣлъ нѣжную любовницу, искренняго друга, знатной чинъ, богатства столько, сколько ему надобно, да сверьхъ всего того такое сердце, которое могло быть спокойнымъ и безъ всѣхъ сихъ имѣній. Но мудрый *Ацемъ* и посреди самихъ благоприятствъ счастія отнюдь не забывалъ того, что всѣ они ненадежны. Онъ часто говаривалъ самъ себѣ: „ Не гордись, *Ацемъ*! и „темъ, что пользуешся теперь многими жи„тейскими выгодами. Ты можешь въ одинъ „день опять всего лишиться. Что бы дол„жно о человѣкѣ думать, если бы все бла„гополучіе его зависѣло единственно отъ „таковыхъ выгодъ? Помысли заранѣе о „тѣхъ престрашныхъ злополучіяхъ, кото„рыя въ теченіи жизни твоей могутъ еще „тебя постигнуть. Мудрецъ готовится „всегда къ претерпѣнію наижесточайшихъ „несчастій, какія только могутъ ему при„ключиться, прежде, нежели они ему въ

„самомъ дѣлѣ приключатся. Напротивъ „того безумный не хочетъ объ нихъ и по„думать до тѣхъ поръ, пока не почув„ствуетъ ихъ силы. Вообрази себѣ, *Ацемъ*! „будто *Селима* у тебя похищена, будто „*Агибъ* отъ тебя удаленъ, а сокровища „твои будто захвачены темъ же самимъ „непостояннымъ счастїемъ, которое тебя „ими надѣлило! Чемъ бы ты сталъ себя „утѣшать, лишась всего того, что состав„ляетъ теперь твое благополучїе? Больше „ни чемъ, какъ только темъ, что серд„це твое предуготовилось уже заранѣе къ „такой потерѣ. И подлинно, *Ацемъ*! не „подвержена мудрость ни малѣйшей пере„мѣнѣ, и на основанїи оной Государи и бѣд„ные подданные право между собою рав„ны.„

Благополучїе *Ацемово* продолжалось непоколебимо цѣлой годъ. Не проходилъ ни одинъ день такъ, чтобъ онъ отъ исполненїя своей должности, не меньше отъ обхожденїя съ *Селимою* и *Агибомъ* не получалъ себѣ какого ни есть удовольствїя. Утро препровождалъ онъ въ похвальномъ попе-

ченїи

ченіи о доставленіи благополучія ближнимЪ; а вечерЪ посвящалЪ искренностямЪ дружбы и любви. ВсѢ свои дни проживалЪ *Ацем*Ъ сЪ равномѢрнымЪ удовольствіемЪ, и никогда досада вЪ сердце его не вкрадывалась. На непріятныя приключенія, хотя оныя изрѢдка ему и случались, взиралЪ онЪ тѣмЪ же безпристрастнымЪ окомЪ, какимЪ смотрѢлЪ и на самую большую приближающуюся кЪ нему радость. КакЪ самое его благополучіе, такЪ и безпристрастіе, которое онЪ наблюдалЪ пользуясь онымЪ, были всегдашніе предмѢты разговоровЪ городскихЪ жителей. Между тѣмЪ злоба всячески изощряла на *Ацема* свой языкЪ; но не могла состоянія его повредить. Она выдумывала на *Ацема* клеветы: однако ни мало вЪ томЪ не успѢвала, по тому, что онЪ всѢ хитрости ея презиралЪ.

Одно только обстоятельство чуть не привело великодушнаго *Ацема* вЪ смущеніе. Пріятель его вдругЪ сдѢлался печаленЪ. ОнЪ старался всегда быть вЪ уединеніи; а *Ацем*Ъ дѢлая ему вЪ томЪ помѢшательство, усугублялЪ только тѣмЪ его досаду. Сей

 мудрецЪ

мудрецъ вопрошалъ его неоднократно, отъ чего чувствуетъ онъ такую прискорбность: но не могъ ни чего узнать, по тому, что *Агибъ* прикрывалъ отъ него тоску свою принужденною веселостïю. Сердце *Ацемово* не меньше сокрушалось, какъ и *Агибово*: однакожъ все еще укрѣплялось мудростïю. По прошествïи нѣкотораго времени вдругъ сталъ *Агибъ* обходиться опять съ *Ацемомъ* столь же искренно и весело, какъ и прежде. *Ацемъ* примѣтя въ другѣ своемъ сïю перемѣну, весьма тому радовался, не входя въ прочемъ въ любопытное и мучительное изслѣдованïе тѣхъ причинъ, отъ коихъ столь скорая возпослѣдовала перемѣна: и все его мщенïе кончилось на легкомъ выговорѣ, которой сдѣлалъ онъ *Агибу* за то, что онъ сталъ было отъ обхожденïя съ нимъ уклоняться. Краснословïе *Агибово* скоро разсѣяло все то подозрѣнïе которое бы *Ацемъ* могъ возъимѣть на его искренность.

Лишъ только было началъ *Ацемъ* утѣшаться прежними прïятностями дружбы, какъ любовь принудила его возчувствовать первыя свои прискорбности. Онъ примѣтилъ,

тилъ, что *Селима* глядитъ на него не тѣми уже глазами; и чемъ безпристрастнѣе она къ нему становилась, темъ усерднѣе оказывалъ ему дружбу свою *Агибъ*. *Ацемъ* любилъ *Селиму* столь нѣжно, что изъ поцѣлуевъ и объятїй ея примѣтилъ тотъ часъ, что горячность ея къ нему уже уменьшилась. Сердце его вострепетало вопреки всѣмъ правиламъ великодушїя. *Ацемъ* устыдился своей слабости, и принялъ намѣренїе тотъ часъ увѣриться о своей судьбинѣ. Онъ хотѣлъ, чтобъ *Селима* сама рѣшила его сомнѣнїе: и по тому принесъ ей со свойственною любовникамъ нѣжностїю жалобы свои на уменьшенїе ея къ нему горячности. Слезы и усугубленїя любви *Селиминой* послужили ему за сей выговоръ наказанїемъ. Онъ просилъ прощенїя за причиненную ей таковымъ подозрѣнїемъ обиду, и сдѣлался опять столь же благополученъ, какъ и прежде былъ: но не на долго.

Ацемъ поѣхалъ однимъ утромъ ко двору, куда надлежало ему по должности своей всякой день являться. Какъ скоро показался онъ во дворецъ, то незапно взяли его тамъ по Государеву повелѣнїю подъ стра-

жу. Онъ не ужасаяся ни мало своего нещастія, снялъ съ себя тотъ часъ саблю, и предсталъ по томъ предъ Государя съ темъ спокойнымъ лицемъ, по которому можно всегда честнаго и о невинности своей совершенно увѣреннаго человѣка отличить отъ злодѣя. Да и самая причина несчастія его служила ему въ похвалу. Не за долго до сего приказано было ему отъ Государя, чтобъ онъ нѣкотораго подданнаго, который безвинно разорился, и на которомъ была небольшая казенная недоимка, продалъ въ рабство. Но *Ацемъ* будучи добросердечнѣе своего Государя, надѣля сего несчастнаго небольшими деньгами, велѣлъ ему спасаться бѣгствомъ. *Агибъ* только одинъ зналъ, что *Ацемъ* умышленно избавилъ сего бѣдняка отъ рабскихъ узъ. Человѣколюбіе *Ацемово* награждено при семъ случаѣ не лучше того, какъ оно и обыкновенно въ свѣтѣ награждается. Судьи поморя его немалое время въ темницѣ, опредѣлили лишить его чина и имѣнія; да сверьхъ того строго приказали ему, чтобъ онъ немедлѣнно удалился изъ города. Приговоръ сей почитали они еще весьма милостивымъ

въ

въ сравненіи съ тѣмъ преступленіемъ, которое онъ сдѣлалъ ослушавшись Государя своего, хотя и въ жестокомъ приказаніи. *Ацемъ* вышелъ изъ темницы своей съ такимъ же безпристрастнымъ духомъ, съ какимъ и вошелъ въ оную: и какъ ему объявили, что правосудіе лишаетъ его чести и имѣнія, то сказалъ онъ: „ такъ я впредь не буду имѣть и „заботы о сбереженіи чести и богатства.„

Ацемъ хотѣлъ уже итти въ домъ свой и торжествовать тамъ въ объятіяхъ *Агиба* и *Селимы* надъ своимъ нещастіемъ, какъ вдругъ остановилъ его важный старикъ, которому онъ при счастіи своемъ оказалъ нѣкоторую услугу. Между великимъ множествомъ обступившихъ *Ацема* любопытныхъ людей одинъ только онъ сожалѣлъ о его бѣдствіи.„ Я хочу открыть тебѣ нѣко„торую тайну, сказалъ ему на ухо помянутый старикъ. *Ацемъ* пошелъ за нимъ тотъ часъ въ его жилище, гдѣ и началъ старикъ говорить ему такъ: „ ты не зна„ешь еще, *Ацемъ*! обстоятельно своего не„счастія. А я за оказанную тобою мнѣ пре„жде сего услугу не могу инако тебѣ воз-

„благо-

„благодарить, какъ только тѣмъ, что из-„бавлю тебя отъ сѣтей вѣроломнаго дру-„га. *Агибъ*, тотъ самый другъ, который „получалъ отъ тебя пропитанїе, и о вящ-„шемъ благополучїи котораго сердце „твое всякой день заботилось, сдѣлался „виновникомъ твоего несчастїя. Онъ то до-„несъ Государю объ оказанномъ тобою „противу воли его нѣкоторому несчастно-„му человѣку милосердїи, для того безъ „сомнѣнїя, чтобъ чрезъ предательство сїе „прїйти у него въ милость.„ Таковое объясненїе столь чувствительно было *Ацему*, что онъ не могъ великодушно онаго слушать. Однакожъ онъ такъ пристрастенъ былъ къ своему другу, что не преминулъ сильно его защищать отъ взводимаго старикомъ на него предательства. По томъ спѣшилъ онъ въ домъ свой, чтобъ тамъ изъ радости *Агибовой* о освобожденїи *Ацема* наилучше узнать о вѣрности своего друга. При всемъ томъ не могъ онъ миновать того, чтобъ нѣкоторыя сомнѣнїя на дорогѣ его не безпокоили. Мудрецъ не въ силахъ еще былъ столько отцѣтиться отъ слабостей человѣческихъ, чтобъ ху-

дая

дая молва о комъ на есть изъ ближнихъ не оставила въ сердцѣ его слѣдовъ подозрѣнія. „Вѣть и *Агибъ* человѣкъ! говорилъ онъ самъ „себѣ. Слѣдовательно можетъ легко и то „статься, что онъ нарушилъ ко мнѣ дру„жескую вѣрность. Кажется, что онъ во „все то время, какъ я содержался въ тем„ницѣ, не заботился о *Ацемѣ*. Но чтожъ „дѣлать, хотя бы онъ и подлинно мнѣ „измѣнилъ? Вить мнѣ не будетъ отъ то„го ни какой другой досады, кромѣ сей, „что я предавъ себя силѣ человѣколюбія, „повѣрилъ тайны своего сердца негодному „человѣку!„

Ацемъ пришелъ напослѣдокъ къ тайному въ домъ свой ходу, и пробрался оттуда не будучи ни кемъ видимъ къ самимъ *Селиминымъ* покоямъ. Чемъ ближе подхо дилъ онъ къ онымъ, темъ больше сердце его трепетало. „Вотъ тотъ часъ увидится съ тобою, говорилъ онъ самъ се„бѣ, и *Селима* по осьмидневной разлукѣ! „Сколь благополученъ ты будешь, увидя „ее плачущую по тебѣ и сокрушающуюся „о твоемъ заточеніи! Въ какомъ будешь

„ты

„ты восторгѣ, когда станешь поцѣлуями „своими осушать драгоцѣнныя ея слезы! „*Агивъ* (ибо думать надобно, что онъ „тебѣ еще вѣренъ) будетъ вмѣстѣ съ то„бою плакать и радоваться. А ты почув„ствуешь въ ихъ объятiяхъ блаженство „того добродѣтельнаго человѣка, кото„рый, будучи въ несчастiи, видитъ, „какъ дружба и любовь объ немъ сожа„лѣютъ.„

За нѣсколько шаговъ отъ *Селиминыхъ* покоевъ услышалъ онъ шорохъ. Онъ узналъ голосъ *Селимы* и своего приятеля *Агива* весьма явственно. Они повторяли часто и его имя. „Конечно они говорятъ „теперь о горестной твоей участи!„ сказалъ онъ самъ себѣ. По томъ будучи преисполненъ безпокойною радостiю о томъ, что застанетъ ихъ въ самыхъ дружескихъ слезахъ, растворилъ онъ вдругъ двери. Тутъ увидѣлъ онъ *Селиму* и *Агива* но въ такомъ состоянiи, что и самъ усумнился, ихъ ли подлинно видитъ; и будучи въ превеликомъ изумленiи не могъ проговорить ни единаго слова. Какое нечаянное явленiе! *Селима*

и *Агибъ* оказались преподлыми оскорбителями любви и дружбы, и удалились отъ *Ацема* въ препровожденіи страха и стыда прежде, нежели сей обманутый и въ превеликомъ смятеніи стоящій мудрецъ могъ побѣгу ихъ возпрепятствовать. Напослѣдокъ разсѣялось его изумленіе, чтобъ дать свободное теченіе жалобамъ. Вотще собиралъ мудрецъ послѣднія свои силы; слабость человѣческая преодолѣла всякое высокоуміе. Сердце его заглушало вздохами своими всѣ представленія здраваго разсудка. Онъ вздумалъ было отомстить свою обиду: но покровительство, которое *Селима* и *Агибъ* приобрѣли себѣ въ милости неправосуднаго Государя, отнимало у него всѣ къ тому способы. Къ вящшей еще горести своей получилъ онъ отъ *Селимы* слѣдующую довольно презрѣніе ея къ нему выражающую записку: *Ацемъ! Селима* те„бѣ мститъ, и ты чувствуй теперь „такъ, какъ она прежде ощущала, сколь „досадно и горестно любить того, кто „взаимно не любитъ.„ Но и сей еще досады было мало. Вѣроломный *Агибъ* произведенъ за оклеветаніе *Ацема* въ его чинъ.

Гордость

Гордость человѣческая вдругъ произвела надъ уничиженнымъ *Ацемомъ* два мщенія. Она будучи долгое время обременяема похвалами какъ о величественномъ духѣ нашего мудреца, такъ и о безпристрастіи его къ счастію, возторжествовала надъ нимъ съ сугубою пышностію, видя, что онъ такъ же, какъ и другіе люди воздыхаетъ.

Ацемъ удалился напослѣдокъ въ прежнюю свою пустыню: но отъ печалей своихъ не могъ онъ и тамъ избавиться. Они слѣдовали за нимъ въ изпещренные цвѣтами долины, и представляли ему прекрасныя поля въ такомъ видѣ, какъ будто они отъ зною уже совсемъ истощились. Соловьи погружали его пѣніемъ своимъ въ узнурительную задумчивость; а сны казали ему *Селиму* въ *Агибовыхъ* объятіяхъ. Онъ попытался вторично заслужить себѣ отъ простаго народа званіе мудреца, хотя прискорбный его духъ къ тому уже былъ и неспособенъ. Желаніе его клонилось къ тому, чтобъ хотя пустая слава возвратила ему такъ, какъ и другимъ людямъ,

дямъ, часть прежняго спокойствія. Онъ сокрылъ горесть свою въ самую глубину своего сердца; и въ уединеніи только приносилъ онъ жалобы самому себѣ на свою участь. А дабы свѣту казаться въ другомъ видѣ; то обратилъ онъ первое свое презрѣніе на то, что называется радостію, и что нарицается печалію. Однако и въ семъ не имѣлъ онъ успѣха. Свѣтъ призналъ его притворство, и примѣтилъ, что сердце *Ацемово* тоскуетъ въ самое то время, когда уста его смѣются слабостямъ человѣческимъ. Словомъ сказать: онъ навлекъ на себя посмѣяніе въ мѣсто того, чтобъ пріобрѣсть похвалу; и будучи въ такомъ состояніи, лишился напослѣдокъ и той странной славы, чтобъ казаться нечувствительнымъ. Послѣ всѣхъ таковыхъ произшествій сидѣлъ онъ повѣся голову на томъ же самомъ бугрѣ, на которомъ прежде столь надмѣнно дѣлалъ смѣту своему благополучію, и признавалъ уже, что человѣкъ отъ властительства надъ собственнымъ своимъ сердцемъ не долѣе заимствуетъ свое благополучіе, какъ только

до тѣхъ поръ, пока не сдѣлаетъ кто надъ сердцемъ симъ со слабой его стороны подыска. Какою презрительною тварью казался уже въ сіе время и самому ему тотъ мудрецъ, который другихъ утѣшаетъ, а въ собственныхъ печаляхъ и тоскахъ не можетъ себѣ найти отрады, и который надъ несчастіемъ тогда торжествуетъ, когда оно его еще не постигло. „Какъ „въ дуракахъ, такъ и въ мудрецахъ, го„ворилъ онъ самъ себѣ, мало толку: въ „первыхъ по тому, что они слѣпо уго„ждаютъ своимъ страстямъ; а въ другихъ „для того, что они по гордости своей и „выше силъ своихъ простираютъ стараніе „о угнѣтеніи оныхъ. И тѣ и другіе бы„ваютъ неблагополучны отъ сихъ стра„стей: но первые не такъ часто, какъ „послѣдніе, по тому, что они и сами не „знаютъ своей бѣды.

Въ прочемъ оставилъ *Ацемъ* при концѣ жизни своей не прежнюю для гроба своего надпись: *здѣсь лежитъ Ацемъ, который умѣлъ покорять волѣ своей сердце*; но слѣ-

дующую

дующую совсемъ инако разположенную: *здѣсь лежитъ Ацемъ, тотъ самый дуракъ, который былъ всѣхъ глупѣе по тому, что хотѣлъ быть всѣхъ благополучнѣе.*

КОНЕЦЪ.

1·38
31